

25 → В частности, уже отобрано 2,45 ГВт ВЭС; 1,65 ГВт солнечных электростанций (СЭС) и 120 МВт малых гидроэлектростанций. Менее распространенный способ поддержки ВИЭ — через закупку их выработки сетевыми компаниями для покрытия потерь.

Господин Быстров считает нецелесообразным продлевать текущую схему поддержки «зеленой» энергетики на базе повышенных платежей потребителей. По его словам, для привлечения в отрасль новых игроков и роста производства оборудования нужно увеличить отбор проектов до 10–15 ГВт, но это приведет к «недопустимому» росту нагрузки на потребителей. По данным «Совета рынка», в 2020 году нагрузка на потребителей составит 82 млрд рублей (4,8% от объема торгов на оптовом энергорынке), а к 2024 году вырастет более чем в два раза — до 174 млрд рублей (9,8% от объема торгов). Средства потребителей, по сути, предложено заменить мерами господдержки.

Идеи «Совета рынка» по реформе поддержки «зеленой» генерации включают как меры по снижению административных барьеров, так и удешевление финансирования ВИЭ-проектов за счет институтов развития, ФНБ или Пенсионного фонда РФ с доходностью на уровне ключевой ставки Центробанка на 15 лет и госгарантиями по кредитам. Предлагается также поддержать экспорт оборудования для ВИЭ за счет госгарантий, субсидирования затрат на транспорт, льготных вывозных пошлин, Параллельно — обнулить ввозную пошлину на оборудование, не производимое в РФ, разрешить продажу выработки «зеленой» микрогенерации (менее 15 МВт), ввести «зеленые» сертификаты.

Замглавы Минэнерго Вячеслав Кравченко согласен, что ВИЭ надо поддерживать не только через энергорынок, когда вся нагрузка полностью ложится на потребителя, но и через налоговое стимулирование, предоставление других преференций. «Если мы сможем предоставить

все возможные льготы и преференции, то, возможно, договоры на поставку мощности и не потребуются. А если и потребуются, то с существенно более низкой стоимостью, чтобы снизить нагрузку на потребителей», — комментировал господин Кравченко в интервью „Ъ“ перспективу применения механизма договоров на поставку мощности ВИЭ после 2024 года.

По мнению Даниила Егорова из Dukascopy Bank, эта инициатива вполне может изменить текущий ход вещей. «Для того чтобы проекты в области „зеленой“ энергии начали конкурировать с нефтегазовыми, необходимы крупные проекты, а также новая нормативно-правовая база, которая поощряла бы использование „зеленой“ энергии. К тому же удаленные замкнутые системы производства могли бы значительно удешевить себестоимость продукции за счет ВИЭ». Вместе с тем эксперт считает, что для российской экономики полномасштабный переход на «зеленые» источники энергии невыгоден. В первую очередь потому, что снижение потребления традиционных источников энергии промышленным сектором повлечет за собой рост тарифов. «Если государственная инициатива возымеет эффект в течение двух-трех лет, переход хотя бы 20% промышленности на „зеленые“ источники энергии может вызвать рост тарифов на электроэнергию и газ на 10%, и даже на 12% выше инфляции», — полагает эксперт.

Господин Гойхман, напротив, считает, что для изменения ситуации с ВИЭ в России недостаточно стимулирующих мер государства. «Недостаточно, например, специального „зеленого“ тарифа на „чистое“ производство энергии, который стимулирует его в Европе и плохо работает в России. Нужна стратегическая политика на демополилизацию в энергетике, передачу более значимых полномочий в ней в регионы и муниципалитеты. Но это означало бы кардинальное изменение сложившейся системы и структуры производства и реализации», — говорит эксперт. ■

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Антон УСАЧЕВ,
директор Ассоциации предприятий солнечной энергетики:

— У солнечной энергетики в России как минимум два направления развития. Во-первых, это большая сетевая генерация, которая стала частью оптового рынка электроэнергии и мощности. Именно благодаря этому сегменту, в котором действуют требования по локализации оборудования для солнечных электростанций, в России буквально за два года появились серия высокотехнологичных производств и научная база в сфере фотовольтаики. Вторым направлением солнечной энергетики является распределенная гибридная генерация. Действующие дизельные электростанции

оборудуются солнечными энергоустановками и накопителями энергии, что на 50% снижает потребление дизельного топлива и, соответственно, расходы на обслуживание дизельной генерации. Реализация проектов в данном сегменте представляет большое значение для социально-экономического развития регионов с труднодоступными территориями и изолированной энергосистемой. Население численностью 20 млн человек получает надежное и круглосуточное энергоснабжение, а региональный бюджет — существенную экономию в результате снижения расходов на обслуживание дизельной генерации. Если сохранится текущая динамика развития солнечной генерации, то в результате реализации проектов в обоих сегментах суммарная мощность электростанций на основе энергии солнца превысит 2 ГВт к 2024 году. Правда, потенциал развития солнечной энергетики в России гораздо выше: ее мощность может достичь 10 ГВт минимум.

Игорь БРЫЗГУНОВ,
председатель Российской ассоциации ветроиндустрии:

— По результатам отбора ветроэнергетических проектов, прошедшего в этом году, к 2022 году в России будет построено 2297 МВт ветропарков. Это значит, что ежегодно будет вводиться от 200 до 600 МВт ветропарков. Перспективы новой для России энергетической технологии необходимо рассматривать не только в плоскости генерации, но и в плоскости создания новых производств. Ветроэнергетика, благодаря мотивирующей законодательной поддержке, становится не только драйвером строительства «зеленых» генерирующих мощностей, но и драйвером развития

производственных сил, создания и развития новых технологий. А новое производство — это налоговые поступления, новые рабочие места. В новую отрасль производства ветрогенераторов вкладываются серьезные средства не только иностранными инвесторами, локализуя производство ветрогенераторов в России, но и компаниями с государственным участием. Это с высокой долей вероятности обоснует продление поддержки ВИЭ в России после 2024 года. Объемы производства ветрогенераторов с повышенной долей локализации от 80 до 90% и строительства ветропарков в объеме до 10 тыс. МВт до 2030 года представляются логичными. Существующая модель поддержки развития ВИЭ, когда они поддерживаются рынком, достаточно хорошо обкатана и представляется логичной, но на период «запуска» рынка. Ветроэнергетика — глобальная технология, и после 2024 года, когда в России будут созданы цепочки производств ветрогенераторов и их компонентов, способных обеспечивать не только внутренний рынок, но и предлагать свою продукцию на экспорт, необходимо включение мер экспортной поддержки, которые могут стать частью комплекса поддержки развития ветроэнергетики на отечественном рынке. Механизм договоров предоставления мощности может быть также трансформирован в более прозрачный механизм feed-in тарифа, с более низкими предельно допустимыми капитальными затратами, при которых такая поддержка предоставляется. Более тонкий механизм налоговых льгот для инвесторов также может стать частью этого комплекса поддержки.

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЗАВИСИМОСТИ

РОССИЙСКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СОХРАНЯЕТ ВЫСОКУЮ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИМПОРТА: ПО НЕКОТОРЫМ ПОЗИЦИЯМ ДОЛЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОСТАВЩИКОВ ДОСТИГАЕТ 70%. КРОМЕ ТОГО, НА РЫНКЕ ОСТАЮТСЯ СЕГМЕНТЫ, В КОТОРЫХ ВООБЩЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ. НЕСМОТЯ НА ЭТО, СТАВИТЬ ПЕРЕД СОБОЙ ЗАДАЧУ ЗАМЕСТИТЬ ВЕСЬ ПЕРЕЧЕНЬ ИМПОРТНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО — ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ ДЕЛАТЬ СТАВКУ НА РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПОЛЬЗУЯСЬ РЕЗУЛЬТАТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА, СЧИТАЮТ ЭКСПЕРТЫ КОНСТАНТИН КУРКИН

Недавний скандал с турбинами Siemens, которые были поставлены в Крым структурами «Ростеха», стал очередным подтверждением зависимости российской электроэнергетики от иностранных технологий. После того как оборудование попало на полуостров, немецкий концерн счел произошедшее нарушением санкционного режима, подчеркнув, что согласно контракту оборудование предназначалось для ТЭС в Тамани. За этим последовало обращение немецкой компании в суд с иском в отношении «дочек» «Ростеха» и ООО «Сименс Тех-

нологии газовых турбин» (совместное предприятие немецкой компании с «Силловыми машинами»), а также введение санкций против российских чиновников и компаний, участвовавших в отправке оборудования в Крым.

Как следует из материалов Минэнерго, сегмент газовых турбин в структуре отечественного энергокомплекса является наиболее импортозависимым. Доля иностранного оборудования в количественном выражении здесь достигает 70%, в мощностном выражении — 82%. Особенно остро вопрос

импортозамещения стоит в нише энергетических турбин большой мощности. Если производство газотурбинных установок и газоперекачивающего оборудования малой мощности российским компаниям по плечу, то в сегменте средней и большой мощности они вообще не представлены. Эта ниша традиционно является вотчиной таких иностранных гигантов, как General Electric, Siemens и Mitsubishi-Hitachi Power Systems.

Долгое время вопрос нехватки технологий и компетенций в электроэнергетике решался за счет привлечения иностранных

концернов, размещавших в России свои производства. Так в Санкт-Петербурге выпуск высоковольтных трансформаторов организовала японская корпорация Toshiba, а немецкий концерн Siemens создал в Ленинградской области завод по производству газовых турбин (обе компании создали совместные предприятия с «Силловыми машинами»). Но после случившегося с турбинами Siemens иностранные инвесторы, скорее всего, будут более осторожно смотреть на перспективы локализации на российском рынке.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ